

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

НИНА МОЛОВА

Призрак Виардо

Несостоявшееся счастье
Ивана Тургенева

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2024

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)
М 75

Молева Нина

М 75 Призрак Виардо. Несостоявшееся счастье Ивана Тургенева / Н.М. Молева. – М.: Родина, 2024. – 224 с. – (Культурный слой).

ISBN 978-5-00222-407-4

Обращаясь к биографии великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, стало привычным называть имя знаменитой певицы Полины Виардо как предмета его многолетнего увлечения, в какое-то время любви и, во всяком случае, многолетней привязанности. Эти сложные отношения действительно существовали, приносили светлые минуты, но гораздо чаще тяжелые, безысходные, не дававшие вырваться из заколдованного круга, как говорил сам писатель, несвободы.

А между тем были в его жизни всплески иных чувств, надежды на создание семьи, обретения любимого и преданного существа, самоотверженного, понимающего все душевные движения, жены-друга. Три женщины прошли в разное время через его дни, позволив писателю создать неповторимые по чистоте, благородству и преданности образы героинь его произведений — тургеневских девушек, тургеневских женщин.

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)**

© Молева Н.М., 2024
ISBN 978-5-00222-407-4 © ООО «Издательство Родина», 2024

Любовь даже вовсе не чувство — она — болезнь, известное состояние души и тела, она не развивается постепенно, в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли — ни дать, ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка; и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения души и прочих идеальностей, придуманных немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо — раб, а другое — властелин и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжелая. По крайней мере, я дошел до такого убеждения, и дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что я умираю рабом.

Экая, как подумаешь, моя судьба-то! В первой молодости я непременно хотел завоевать себе небо... потом я пустился мечтать о благе всего человечества, о благе родины, потом и это прошло: я думал только, как бы устроить себе домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейник — и бух оземь: да в могилу... Уж какие мы, русские, мастера кончать таким манером.

Иван Тургенев. Переписка. 1855 год

ПРОЩАНИЕ

Не успел... Вместо дома на Остоженке — грудки мерзлой земли в Донском. Припорох скупого снега. Пересвист синиц. Крик ворон в темнеющем небе. Узкие дорожки в сугробах. Доска — на будущее — «Под камнем сим покоится полковница Варвара Петровна Тургенева, скончавшаяся 16 ноября 1850 года. Жития ее было 70 лет. Мир праху ея»...

Может, брат Николай поторопился с похоронами. Может, еще мог день-другой подождать. Но в такой год как было ему знать, что после его депеши о болезни — только о болезни! — Иван бросается в дорогу, платя двойные прогоны из давным-давно отощавшего кошелька. Не станет останавливаться в пути. Не заночует. Петербург — Москва не ближний край: разве рассчитаешь. И все-таки главное — тот, невыносимый для памяти июльский разговор...

Он сам, пожалуй, не решился бы на него, в который раз подавил в себе горечь обиды и недоумения. Но брат — речь шла о нем, его семье, его детях. Николай во всем и полностью зависел от матери. Это она убедила его оставить службу, переехать в Москву, купила ему дом — и мышеловка захлопнулась. Варвара Петровна люто ненавидела невестку — свою недавнюю компаньонку, на которой осмелился жениться без согласия матери старший сын. Перенесла свою ненависть и на внуков. В семье останется суеверное представление, что отвергнутые бабкой — она даже не хотела их видеть, пускать себе на глаза — внуки были лишены ею права на жизнь: один за другим все они умерли в раннем возрасте. Но это со временем, а пока Иван любой ценой готов был им помочь.

В ту весну 1850 года Иван прощался с Парижем трудно и где-то в подсознании окончательно. Писал добрые слова. Одних сердечно благодарил. Перед другими почти извинялся за принесенные огорчения.

Полине Виардо: «Надо наконец устроить эти невыносимые семейные дела, которые тянутся за мной, как паутина на крыльях мухи, которую только что из нее вызволили. Это совершенно необходимо, и — так или иначе — я своего добьюсь. Все перипетии я вам в точности опишу. Вы позволи-

те мне... поверять вам все, без исключения все, что я сделаю, что решу, что со мной случится. Мысль жить так, на ваших глазах, будет для меня очень благотворной и очень приятной».

Верил ли он в плоды собственной решимости? Виардо с ее жизненным опытом и практицизмом — конечно, нет. Единственный наглядный результат — встреча с собственной дочерью Пелагеей, прижитой от давно забытой им белошвейки, подрабатывавшей в доме Варвары Петровны. Варвара Петровна приютила ее среди дворовых, как и побочную дочь брата покойного мужа: дело слишком обычное. Иван потрясен сходством маленького забитого и всеми забытого существа с собственной детской фотографией и потому решает устроить ей совсем иную жизнь, вытащить «из крепостного омута». В этом Виардо сразу приходит на помощь. Девочку переправляют в Париж под покровительство семьи певицы. Думала ли великолепная артистка, что тем самым навсегда привяжет к своему дому отца, в знак признательности переименовавшего даже имя дочери: теперь она становится Полиной Тургеневой. И снова это в будущем, а пока следует письмо Полю Виардо, старому Полю Виардо, плохо скрывавшему свою неприязнь к ворвавшемуся в его и без того слишком сложную жизнь русскому красавцу.

«Париж. Понедельник, 24 июня 1850.

Я не хочу покинуть Францию, мой дорогой и добрый друг, не сказав вам, как я вас люблю и уважаю и как жалею о необходимости этой разлуки. Я увожу с собой самые сердечные воспоминания о вас, я сумел оценить высоту и благородство вашего характера и, поверьте, буду снова чувствовать себя вполне счастливым только тогда, когда опять смогу вместе с вами бродить с ружьем в руках по милым равнинам Бри. Я принимаю ваше предсказание; я хочу ему верить. Конечно, родина имеет свои права; но не там ли настоящая родина, где мы нашли больше всего любви, где сердце и ум чувствуют себя, всего лучше? Нет на земле места, которое я любил бы так, как Куртавель. Не могу выразить, сколь я был тронут всеми проявлениями дружбы, полученными за последние дни; не знаю, право, чем я их заслужил, но что я знаю, так это то, что, пока жив, буду хранить в сердце память о них. Вы имеете во мне, дорогой Виардо, безгранично преданного друга.

Ну, живите счастливо, желаю вам всего самого лучшего. Мы когда-нибудь еще увидимся; это будет счастливый день для меня, и он мне щедро воздаст за все ожидающие меня печали. Благодарю вас за добрые советы и крепко Вас обнимаю. Будьте же счастливы, добрый и дорогой Виардо, и не забывайте вашего друга».

* * *

...Разговор был мучительным и долгим. В памяти остались полукруглые окна уютной гостиной с окнами на Остоженку, где тянулась казавшаяся нескончаемой вереница экипажей. Мерцающий кафель высокой печати. Приспущенные шторы. И голос матери. Сухой. Властный. Непреклонный. Никаких средств для существования сыновей она из своего огромного состояния выделять не собиралась. Все только из ее рук и по ее приказу. Варвара Петровна ни в чем не изменилась к своим семидесяти годам. Она торжествовала полную победу. Вы — Тургеневы? Так и живите своими отеческими владениями!

Вот только ожидала ли она, что на этот раз разрыв будет полным? Угроза не подействует. Оба сына уедут с Остоженки в свое крохотное Тургенево, а Иван Сергеевич вскоре еще дальше — в Петербург. Единственная отдушина для его откровений, одинаково для него унижительных и тягостных, — письма к Виардо.

«Я повидался с матерью. Дела я нашел в самом плачевном состоянии, но расскажу вам об этом позднее, когда немного осмотрюсь. Сейчас же вам будет достаточно узнать, что самому мне кажется, будто я, бог знает как надолго, вошел в сырой